

Считается, что именно отец должен объяснить сыну, что значит быть мужчиной. Не знаю. Считается также, что большинство мужчин раньше или позже становятся похожими на своих отцов. Надеюсь, это не так.

Оба твоих деда — люди, слепленные из другого, чем я, теста. Суровые и гордые. Наделенные совсем другими талантами. Они умеют, например, оценить качество автомобиля, просто пнув ногой покрышку. Они за три секунды определяют, стоит ли тот или иной новый гаджет своих денег, просто взвесив его на ладони.

Они с середины 70-х не проиграли ни одного спора (они и до этого не то чтобы *проигрывали*, скорее признавали в минуту слабости, что другая сторона тоже отчасти права).

Они не останавливаются спросить дорогу. Ни к кому не обращаются за помощью. Никогда не ругаются из-за денег — только из-за принципов. Им не понять, с какой стати платить кому-то за работу, которую с тем же успехом ты способен сделать сам. (А их сыновья не понимают, зачем мучиться самому, если можно нанять

специалиста и не париться; именно в этом заключается причина большей части конфликтов между нашими поколениями.) Они просто-напросто другой породы. Они знают, что переноска — это уличный удлинитель. Их можно разбудить среди ночи, и они с точностью до десятых долей назовут процент невыплаченного остатка своего ипотечного займа. Что бы ты ни купил, они посмотрят на тебя с сожалением и поинтересуются, почему ты платил. И, хотя ты снизишь реальную цену на 20 процентов, они воскликнут: «379 крон?! Тебя НАДУЛИ! Я знаю, где то же самое продается за...»

Всякий раз, когда ты приходишь к ним в гости, они требуют подробно доложить, как ты до них добирался. Если ты признаешься, что и на этот раз не воспользовался рекомендованным ими «кратчайшим маршрутом», поскольку не испытываешь особого удовольствия от переезда через железную дорогу и имеешь все основания подозревать, что в туннелях водятся летучие мыши, они посмотрят на тебя так же, как в финале «Храброго сердца» Уильям Уоллес смотрит на предателя.

Вот какой породы эти мужчины.

Они могут с утра выйти во двор с пустыми руками, а к вечеру вернуться в дом с уже пристроенной веранды. Вернуться в дом, понимаешь? Единственное, что мне удалось сделать своими руками, — это пройти *GTA IV*. И то только потому, что я бессовестный читер.

Оба твоих деда построили себе дома, когда еще не было Гугла. Представляешь масштабы? Это не люди. Это живые швейцарские армейские ножи. Они горды и суровы и, возможно, не всегда говорят то, что нужно, там, где нужно. Потому что в то время,

когда у них самих появились дети, тема отцовского отпуска по уходу за ребенком была не сказать чтобы самой актуальной. Да, иной раз они пасуют в споре о вещах, которые нельзя взвесить или пнуть ногой. Но они добывали свой хлеб в поте лица. Они себя обеспечивали. Они умеют заполнять налоговую декларацию и могут починить микроволновку, и разбить палатку, и поменять масло в «форде-эскорт». Эти мужчины укрощали природу. Выживали на заре цивилизации. В глухомани. Они росли без вай-фая. Представляешь? Их детство — это почти глава из «Робинзона Крузо».

Прикинь?

Ты знаешь, что пивную бутылку можно открыть квартирным ключом? Я чуть ли не до двадцати лет верил, что этот трюк придумал мой папа. Впервые увидев, как то же делает еще чей-то отец, я не подумал: «Черт, так это изобрел не мой папа». Я подумал: «Вау! Наш лайфхак пошел в народ!»

Не знаю, о ком это больше говорит, об отце или обо мне.

Но в какой-то момент отец утратил свой безоговорочный авторитет. В какой-то момент наше поколение стало посматривать на его поколение сверху вниз. У нас есть масса знаний в неведомых им областях, и абонемент на кроссфит, и борода, подстриженная стилистом, и аккаунт в Фейсбуке, но мы понятия не имеем, как настелить дощатый пол или к чему крепится привод распревала. Нам ни в жизнь не построить веранду.

Эволюция стремится сделать каждое новое поколение умнее, сильнее, проворнее предыдущего. Кое с

какими вещами мое поколение управляется неплохо. С современными вещами. Ни один тридцатилетний не уступит шестидесятилетнему ни в чем, что касается гаджетов с тачскрином, это будь уверен. И в многопользовательской *Call of Duty* мы сделаем их на раз.

Но, допустим, случится апокалипсис. Разразится третья мировая война. Ядерные взрывы сметут с лица земли города и деревни. Много лет спустя уцелевшие ошметки человечества высунут нос из бомбоубежищ. Их взглядам откроется обращенная в пустыню планета. Что они станут делать? Искать среди выживших самых умных, надежных и рукастых, чтобы под их руководством возродить цивилизацию. К представителям моего поколения никто обращаться не станет.

Хотя нет, почему. Обратятся.

Чтобы спросить, где наши отцы.

Я не утверждаю, что знания моего поколения полностью обесценятся, — чего нет, того нет. Но воспользоваться даже малой их частью нам удастся не раньше, чем наши отцы соорудят электрическую розетку. Вот и все.

Имей в виду, это не так просто — объяснить тебе, что значит быть мужчиной. Я постараюсь сделать что смогу. Попытаюсь познакомить тебя с нашим невероятным настоящим — с его высокими технологиями, всемирной информационной сетью, демократическими революциями и достижениями медицины. Но я не смогу научить тебя и половине того, что умеют мужчины, понимающие, как мы к этому пришли.

Их чувства ты принимаешь как нечто само собой разумеющееся. Тебе не кажется странным, что они шепчут тебе на ухо, что любят тебя. Но этому слову

научил их ты. С твоим появлением они стали другими. Они стали лучше. Да и мы тоже.

Вполне возможно, что мужчины поколения твоих дедов, наши родители, совершили пару ошибок, воспитывая нас. Но теперь они их исправляют — тем, что компенсируют наши проколы и недостатки.

В общем, научить тебя быть мужчиной непросто. Само это понятие меняется.

Говорить об этом с другими взрослыми почти невозможно. Для общества, настаивающего на отсутствии гендерных различий, мы тратим несообразно много времени на то, чтобы досконально выяснить, в чем эти различия состоят. Попробуй тут не растеряться. Чувствуешь себя хуже, чем в соседнем супермаркете, когда они там в очередной раз всё переставят. Или как в первом сезоне сериала «Остаться в живых», когда появляется белый медведь и все герои хором ахают: «ОЙ, ЧТО ЭТО?!»

Я знаю: мне только предстоит понять, что такое угнетение и сегрегация. Я учусь этому каждый день. Потому что я белый гетеросексуальный западноевропейский мужчина, образованный и имеющий работу. Во всей Вселенной нет организма, меньше знакомого с угнетением и сегрегацией.

Но надеюсь, ты будешь разбираться в этом лучше.

Ты никогда не спутаешь борьбу за равноправие с войной между полами. Никогда не поверишь, что женщина не заслуживает тех же прав или свобод, какими пользуешься ты, или равной зарплаты за такую же работу. Но тебе не придет в голову, что, раз она

всего этого заслуживает, дверь перед ней придерживать не надо. Что равенство исключает джентльменство. Поскольку оба твоих деда объяснят тебе, что это чушь собачья. Можно что угодно говорить о мужчинах поколения твоих дедов, но у них не было бы времени научиться всему на свете, если бы все остальное не взяли на себя женщины.

А я сделал все, что смог, чтобы научить тебя не бояться сильных женщин. Я женился на самой сильной из всех, которые мне встретились.

Мир постоянно будет внушать тебе, что человеческие качества, таланты или черты характера делятся на «мужские» и «женские». Что тут сказать? В единоборстве я твою маму, пожалуй, победил бы. Только это не будет схватка медведя с гориллой. Это будет бой гориллы с коалой.

Но на шестидесятиметровке она меня обойдет. Она гораздо остроумнее, чем я. И я с легкостью назову сотню человек, которые не задумываясь впишутся за любое ее начинание. А у меня даже в Твиттере подписчиков кот заплакал. Есть о чем задуматься.

Что до хитрости, то тут трудно судить. Она умнее меня, это всем известно. Но, с другой стороны, я все-таки убедил ее выйти за меня замуж. Значит, одно очко в мою пользу.

Я вижу, ты уже понял: твоя способность заставлять ее смеяться дает тебе немалые шансы избежать ответственности за то, что ты устраиваешь мне. Держись за этот талант. С ним ты далеко пойдешь. Меня, например, он вон куда привел.

Когда твоя мама смеется!.. Господи! Я никогда не чувствовал себя мужчиной больше, чем в такие минуты.

В общем, это непросто — объяснить, что значит быть мужчиной. Для разных людей это означает разное. И с разными людьми.

Подростком я часто слышал: «Не отступай, ты же мужик». И только когда мне было уже хорошо за двадцать, я понял, что настоящий мужик может и отступить, и промолчать. И, если что, признать свою неправоту. Никогда не обзывай на спортивной площадке того, кто кажется тебе слабаком, «бабой». Однажды тебе придется держать за руку женщину, когда она рождает ребенка, и тебе станет стыдно как никогда в жизни.

Не слушай тех, кто уверяет, будто мужественность определяется сексуальной ориентацией. Если ты и правда хочешь понять, что такое быть мужчиной, спроси Гарета Томаса, который встал посреди раздевалки и перед всей своей сборной Уэльса по регби объявил, что он гей. Возможно, я не так много знаю о мире, но я знаю, что в той раздевалке не было человека мужественнее, чем он.

Я хочу, чтобы ты понимал: ты можешь стать кем захочешь, но это совсем не так важно, как помнить другое: ты имеешь право стать тем, кто ты есть. Надеюсь, что я — всего лишь бета-версия. Что ты станешь в большей степени мужчиной, чем я. А главное, в большей степени человеком.

Я не могу научить тебя быть мужчиной. Это тебе придется учить меня. Другого пути нет.

Говорят, что рано или поздно каждый мужчина становится похож на своего отца. Надеюсь, что это не так.

Надеюсь, что ты станешь намного лучше.

Что ты по-прежнему будешь с веселым смехом бежать к калитке, когда твой дед придет забирать тебя из сада. Что ты никогда не перестанешь смешить другого деда, и от его хохота будут ходить ходуном стены. Потому что единственное, что можно дать мужчинам, у которых все есть, — это еще один шанс. И этот шанс даешь им ты. Каждый день.

Оба они — суровые и гордые. Со своими минусами и недостатками. Но лучшему из того, что делают настоящие мужчины, я научился у них. Они и сами стали другими, когда появился ты.

Они стали лучше.

Как и мы.

Ну да...

...моя реакция может показаться чрезмерной. Я имею в виду торт, фейерверк и все остальное. Но сам пойми. Я сказал тебе: «Принеси пульт». И ты принес пульт.

Ты учился этому полтора года, и сегодня ты реально обошел лабратора, который был у меня в одиннадцать лет.

На мой взгляд, это стоит отпраздновать.

Куда ни кинь, всюду клин. Есть такое ощущение

Знаешь, как бывает — заходишь в лифт с коляской и вдруг понимаешь, что забыл кое-что нужное? Я пулей влетаю в квартиру, хватаю это самое кое-что, и вдруг меня пробивает: «Черт, я ведь, кажется, нажал кнопку!» Тут я слышу, как двери лифта закрываются. И понимаю, что коляска вместе с тобой отправилась, блин, на первый этаж.

В полной панике я несусь вниз по лестнице, уговаривая себя: «Ничего, спокойно, я буду там раньше лифта». Но в тот самый миг, когда я как раз добегаю, кто-то из соседей вызывает лифт у себя на этаже. Двери закрываются у меня перед носом, и лифт идет наверх.

А я стою внизу.

И понимаю, что выбор у меня невелик. Либо я бегу вверх по лестнице, рискуя оказаться в роли папаша, который не только отправил ребенка одного в лифте, но еще и смылся в неизвестном направлении; доехав до первого этажа, соседи обнаружат, что там никого нет, и позвонят в социальную службу.

Либо я остаюсь внизу и жду. И тогда я — папаша, который не только отправил ребенка одного в лифте, но еще и решил не париться, гоняясь по этажам: типа куда он денется.

Представляешь, да?

Кстати, ты не мог бы чуть менее ехидно улыбаться нашедшим тебя соседям?